

Старый микроавтобус «Цзиньбей» давно отъездил своё: на кожаных сиденьях темнели прожжённые сигаретами дыры. К счастью, салон неплохо проветривался, так что тяжёлого застоявшегося запаха не ощущалось.

И всё же Тун Хуайцин опустил стекло. Встречный поток подхватил его волосы, отбрасывая назад.

Он сидел вполоборота. С такого ракурса лица не разглядеть — виден был лишь белоснежный, словно лебединая шея, затылок.

Чай Дая отвёл взгляд, всё ещё не веря до конца, что этот парень действительно поехал с ним.

Ведь сначала тот выглядел до чертиков свирепым и даже съездил ему ногой. А потом — среди глухой ночи — взял и без лишних слов кивнул.

Два луча дальнего света рассекали дорожную тьму. За окном стремительно проносились полосы зелёных насаждений.

Пункт назначения уже близко.

Похоронное бюро уезда Аньчуань.

«Моторола» зашлась тонким писком. Чай Дая суматошно выудил телефон:

— Пап, мы почти на месте.

Из динамика громоподобно рявкнули:

— Четверо вас, нет?

— Четверо-четверо, не бойсь, — с ухмылкой Чай Дая взъерошил свои крашенные жёлтые патлы.
— Через пять минут будем.

В левом ухе у него блестели два гвоздика-серьги, на плечах болталась пёстрая рубашка, снизу — чёрные шорты да шлёпанцы-вьетнамки, а на шее покачивался кулончик с черепом. Встань такой на улице — вылитый гопник.

Но отца он слушался беспрекословно.

Ничего не поделаешь: те, кто долго работает в подобных местах, поневоле становятся суеверными.

Чёрт его знает, было ли это древней традицией Аньчуаня или житейской мудростью местных работничков, но правило соблюдалось строго: если тело привозят ночью, переносить его должны ровно четверо.

Ни больше ни меньше.

Обычно по ночам дежурила постоянная смена, но сегодня как на грех все разбежались по делам. Вот бате и пришлось в срочном порядке вызванивать сына, чтобы тот наскрёб ещё троих помощников.

Обыватели от такой подработки крестятся — суеверия, дурной знак. Зато за разовый вызов платили щедро.

Правда, согласиться могли разве что двое его корешей, которые и так постоянно таскались с Даей по всяким шабашкам.

А этот тонкий парень... Может, ему тоже до зареза нужны деньги?

Когда Чай Дая осторожно попытался объяснить Хуайцину, чего от него хотят, тот лишь молча стоял, никак не реагируя. Дая тут же выпалил:

— Шестьдесят юаней дадут!

— Чистое везенье, шестьдесят — цифра денежная!

— Делов-то на пару минут, только за края подержаться!

Незнакомец, с виду настолько неземной и красивый, будто в таком захолустье отродясь родиться не мог, лишь едва заметно кивнул.

И без лишних расспросов залез в машину.

Скрипнули тормоза. Чай Дая первым выскочил из салона:

— Приехали!

Отец Чай ждал у входа. Окинув взглядом сына, он вспыхнул:

— Оболтус проклятый!

Заложив руки за спину, отец принялся разглядывать сыновнюю компанию. Сначала вылез сам жёлтолобый, за ним выкатился ярко-красный затылок, следом высунулась фиолетовая шевелюра, и её обладатель весело гаркнул:

— Здравия желаем, дядь!

Старик Чай аж глаза зажмурил — тошно смотреть.

Одни отбросы. Молодёжь пошла — горя не видала, целыми днями дурака валяют да на мопедах с рёвом гоняют... Он уже набрал воздуха, чтобы отчитать шпану, как вдруг осёкся.

Последний пассажир выходил медленно, будто не привык к тесноте раздолбанного микроавтобуса. Изящные брови юноши были слегка сдвинуты.

Он вскинул взгляд и коротко посмотрел на Отца Чая.

Отцу Чаю стукнуло пятьдесят два. Он покатался по стране, видал всякое, перешагивал и через живых, и через мёртвых, но настолько утончённого человека не встречал ни разу.

Особенно на фоне этой троицы недотёп.

Пресвятые угодники... Словно небожитель спустился на землю.

— Ну чё, пап, ровно четверо? — подскочил расплывшийся в ухмылке Чай Дая. — Чё за расклад сегодня?

Тун Хуайцин не обращал внимания на шумное семейство. Его взгляд приковала вывеска: чёрные иероглифы на белом фоне дышали унынием. Вообще-то ритуальные услуги и крематорий должны находиться отдельно, но в провинциальном уезде правила соблюдали спустя рукава, объединив всё под одной крышей. В пустынном дворе стояла узкая каталка, накрытая блёкло-голубой простынёй.

— Из больницы только что привезли, — Отец Чай толкнул полуоткрытые железные ворота. — Полиция говорит, сирота круглый, старый бродяга.

Ржавые петли со скрипом заскрежетали, заклинившие колёсики ворот прочертили на асфальте тёмные полосы.

Хуайцин шёл последним, не отводя глаз от недвижимого силуэта под тканью. Слишком худое, измождённое тело едва возвышалось над плоскостью катушки.

Парень с фиолетовыми волосами притормозил рядом:

— Ссышь?

Хуайцин качнул головой.

— Я вот раньше тоже боялся, пока бабка не преставилась, — пробормотал тот себе под нос. — А потом подумал: да чё бояться-то? Все мы по земле ходили, у каждого matka с тяткой были... Как допёр до этого — так сразу отпустило... А-а-а! Дая, урод, ты совсем сдурел?!

Он отскочил на добрый метр от неожиданного удара по плечу и, тяжело дыша, ткнул пальцем в ржущего Даю:

— Да я твою... Ой, дядь, пардон, ляпнул не подумавши.

Чай Дая заходился от хохота, хватаясь за живот:

— Ха-ха-ха! Ты ж орал, что не ссышь, зассанец!

Завывал ночной ветер. Совсем недавно эти парни таскали колонку и орали на весь уезд попу, а теперь гоготали посреди морга. Жизнь и смерть, юность и дряхлость, гопота и нищий бродяга, да так и не пролившаяся с неба гроза — всё вдруг увязалось в странном, шатком равновесии.

Залитый ярким светом двор озарял путь. Вчетвером они подхватили тело и понесли внутрь.

— Не ожидал, да? Тяжёлый, зараза.

Хуайцин не поднимал глаз.

Он знал: мёртвое тело весит неизмеримо много.

Хотя в патологоанатомическом мешке лежит, казалось бы, лишь высохшая щепочка.

Закончили они только к трём или четырём утра.

— Готово, — Дая поправил краешек простыни и достал из кармана две купюры. — Держи. Да вымой руки хорошенько.

Хуайцин давно скинул перчатки и вымыл руки под краном. Он не прикоснулся к деньгам, тихо

и прерывисто дыша.

— Забирай, говорю, — Чай Дая хлопнул купюрами по столу. — Ты как возвращаться будешь? Подвезти? Ну, обожди тогда немного.

Фиолетовый моментально вскинул голову и скрестил руки на груди, попятясь:

— Я выть не стану!

Второй прыснул:

— Давай лучше сам затяни, Дая у нас по этой части специалист!

Чай Дая подхватил стоящий в углу веник и рванул за корешами. Старик отец всё равно вышел, так что в помещении можно было устроить хоть потасовку.

— Хорошо трындеть, за дело беритесь! Нам ещё пить сегодня, а ночь кончается.

Прислонив веник к стене, Чай Дая вернулся, встал перед дверцей печи крематория, куда только что отправили тело, с достоинством опустился на колени и трижды отбил поклон до земли.

А затем взвыл во весь голос.

Слёз не было. Перед ним лежал абсолютно чужой человек, про которого никто не знал, видел ли он в жизни хоть каплю счастья или сплошь терпел лишения. На старости лет умер в одиночестве. Так пусть хоть кто-то оплачет его напоследок — вместо близких.

Шум печи не долетал сюда, лишь фальшивые, сухие вопли эхом разносились под потолком.

Тун Хуайцин стоял не шелохнувшись. Пальцы снова охватила мелкая дрожь.

Вопль оборвался.

Человека больше не существовало.

Жменька пепла — вот и всё, что осталось. Может, просыпалась мимо урны пара крупиц, пока перегребали, а дальше — под этот нелепый плач на разрыв аорты пару крупиц подхватит ночной ветерок и унесёт прочь, гулять по свету.

На обратном пути Хуайцин попросил посадить его раньше.

Ему хотелось пройтись пешком, глотнуть ночного воздуха, взглянуть на бездонное небо.

В груди стоял тяжёлый, давящий ком.

Городской ров Аньчуаня тянулся через весь уезд. Поросшая деревьями дамба виднелась издалека. По дороге к гостинице как раз можно зайти в какую-нибудь забегаловку, перекусить.

Хотелось чего-то горячего.

Хотя бы пиалу нежного яичного крема.

Чай Дая всё-таки засунул ему в руку шестьдесят юаней и лихо встряхнул жёлтой шевелюрой:

— Брат, ежели в уезде какие тёрки будут — свистни! Мы мигом подтянемся!

Жаль только, что этот красавчик, похоже, немой или горло простудил — слова не вытянешь. А то затащили бы его в караоке, пропустили по паре стопок.

Вырулив от заведения, Дая с удовольствием вдавил педаль газа и, отбивая такт головой, снова затянул попу:

— «Ты слишком добрая, слишком добрая... Опять рыдаешь одна до утра-а-а!»

Сидевший сзади Красноволосый зажал уши:

— Заткнись уже, слушать тошно!

— «Любить так просто, да ужиться сложно-о-о!»

— Заткнись ты... Э, глянь, там не Старший брат часом?

Дая мазнул взглядом по зеркалу заднего вида — и точно: у обочины возвышалась знакомая саженная фигура.

Что он забыл тут в такую рань?

В Аньчуане всяких «братьев» — хоть пруд пруди: брат Ган, брат Бао... Сам Дая тоже любил,

когда шестёрки величали его «братом Я». Но когда произносили просто «Старший брат» — все понимали, о ком речь.

Только Чи Е.

Старший брат — он один такой.

Микроавтобус сбавил ход, и Дая, высунув голову из окна, расплылся в ухмылке:

— Старший брат, чё так рано встал?

Чи Е был всё в той же чёрной майке и камуфляжных штанах. Короткий ёжик волос торчал ежом, плечи широкие, ноги от ушей, мускулы литые, скулы и подбородок высечены будто из камня. Рядом с ним стоял худенький, тихий пацан.

— Прогуляться вышли, — буркнул Чи Е.

Делать было нечего. Чэнь Сяньян вцепился в нотную папку и ни в какую не хотел выпускать: орал, что надо вернуть её брату Тунтуну. Сначала-то они вообще не сообразили, что это за штукавина — думали, обычная канцелярия для школы. Позже соседский студент глянул и объяснил: папка для нот.

Чи Е сперва дулся и велел пацану отвалить.

А потом припёрлась Ноно с пузырьком лака для ногтей, плача, что не успела накрасить ногти брату Тунтуну.

Чи Е в конце концов не выдержал и сбежал из дому.

В автомастерской тучи нависли прямо над головой. Китайская роза, посаженная в старую покрывку, совсем завяла — видно, за эти дни никто её так и не полил, листья поблёкли.

Чи Е просидел на корточках до самого вечера, гоняя во рту длинную травинку, и только к сумеркам вернулся домой.

Деревенская роза во дворе тоже свесила головку.

Перед ужином Чи Е нарвал на грядке огурцов, выдернул пару перьев зелёного лука.

Стряпал так себе, на скорую руку: битые огурцы, тофу с луком да миска машевой каши.

Все десять пальцев Ноно алели свежим лаком, но девчушка сидела надувшись, словно мышь на крупу.

Чи Е постучал костяшками по столешнице:

— Ешь давай.

— Я даже «пока» ему не сказала!

Ноно ни капли не испугалась грозного вида брата. Она соскочила со стула — тот с грохотом повалился навзничь:

— Вещь не вернули, не попрощались... Хотя он и молчал всё время, но брат Тунтун — хороший!

Чэнь Сянъян тихонько поддакнул:

— Вот именно. Зачем ты на него орал и выгонял?

— Брат Тунтун только-только оправился. Ты же сам говорил, что он из дома сбежал! Куда ему податься?

— В школе учительница говорила: гостеприимство — славная традиция Аньчуаня!

Жила на виске у Чи Е от их гама вздулась и забилась. Наконец он со вздохом отложил палочки:

— Цыц.

Выдохнув из груди всю накопившуюся досаду, он буркнул:

— Завтра с утра ходим с Яньянем, отдадим папку.

У Ноно мгновенно загорелись глаза:

— А я?

— Забыла? — Чи Е тяжело взглянул на неё исподлобья. — До конца недели сидишь дома.

— У-а-а-а-а! — взвыла Ноно.

Орать было бесполезно: давать слабинку Чи Е мог, но принципам не изменял.

Поэтому утром он просто потащил Сяньяна к вокзалу — авось перехватят.

Не уехал же он ещё?

Можно попробовать расспросить проводников. Чи Е до красивых мордашек дела не было, но не заметить выразительную внешность Хуайцина было невозможно. Если тот покупал билет накануне, кассиры или дежурные должны были его запомнить.

Шли они, шли — и тут на ловца и зверь: подкатил Чай Дая.

— Да мы сами только с соплей, — завёл тот любимую пластинку. — Вчера бате беспризорника какого-то привезли, вот и пришлось среди ночи дуть в морг, таскать... Измотался в край.

Чи Е суевериями не страдал, поэтому ровно откликнулся:

— Не повезло мужику.

— И не говори, — сокрушался Дая. — Ни родни, ни близких. Я ж ему там напоследок и поныл немного, чтоб по-человечески всё было... О, блин, труба звонит, сек.

Фиолетовый с заднего сиденья заигрывал с Сяньяном:

— Мелкий, а чё у тебя в руках?

Сяньян гордо поднял папку:

— Это вещь брата Тунтуна! Мы его ищем.

— Ты не видел его? Он в серой рубашке и чёрных штанах, очень красивый! — мальчик задрал голову. — Мы со Старшим братом хотим вернуть ему папку.

Парнишка с фиолетовым чубом перевесился через окно:

— Э-э... Такой белесый, глазастый, а на щеке родинка?

Чи Е мгновенно вскинулся:

— Видел? Где?

— Да в похоронном бюро! Вчера ночью. — Фиолетовый сокрушённо покачал головой: — Эх, жалко парня...

Сянъян застыл на месте, а через секунду его лицо перекосилось, и он отчаянно закричал:

— Брат... Старший брат!

Чи Е выронил руку малого. Кадык судорожно дёрнулся, всё тело натянулось как струна.

Прямо на асфальт упала первая тяжёлая капля, оставляя тёмный круглый след, а в следующее мгновение небо разверзлось, и сплошная стена дождя обрушилась на город.

Задерживавшаяся с самой ночи гроза наконец разразилась.

<http://bllate.org/book/19966/1985786>